

УДК 37.0.14

А. М. Склярова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)

КРИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ И. КАНТА

Рассматривается кантовская критика догматической философии, выделяется и анализируется критический подход к исследованию и пониманию трансцендентального метода как требование и задача научной философии; прослеживается понятийная дедукция и понятийная систематика, реализованная Кантом в критике чистого разума.

Догматическая и критическая философия, эмпиризм, сенсуализм, скептицизм, рационализм, трансцендентный и трансцендентальный, чувственное созерцание, рассудок, разум, апостериорные и априорные аналитические и синтетические суждения, метод критического разума, антиномии чистого разума о начале мира, душе, свободе и Боге

Философию нужно любить и ею жить.

Гете

Плодотворное влияние великих философских систем заключается в том, что они, подняв нас на свои плечи, открывают не только новые горизонты мирозерцания и мировоззрения, но и учат нас культуре мышления, что особенно актуально в нынешне непростое время компьютерных технологий и изобилия всевозможной информации.

И. Кант в своей критической философии утверждает истинно научные условия человеческого познания и создает для этого принципы, которые настолько же обосновывают, насколько и ограничивают наше знание. Познавать, по И. Канту, означает следовать отчетливо сознаваемым положениям, вооружать каждый акт познания, каждое суждение полным сознанием их оснований – такова подлинная цель критической философии.

И. Кант попытался обновить философию радикально, так как видел, что ее безусловное признание пошатнулось. В древнем мире господствовала метафизика, в Средние века – теология, в новое время – науки, основанные на наблюдении. Усиливалось значение отдельных областей человеческого познания, умалялось царственное значение философии и даже подвергалось сомнению ее право на существование. В этих условиях свою задачу И. Кант видел в упрочении положения философии, завоевании ею нового признания, неоспоримого для опытных наук. Философия становилась лишней, по И. Канту, являлась только двойником опытных наук и повторяла только то, что было открыто и познано последними; она была плоха, когда хотела объяснить те же самые вещи независимо от всякого опыта. Да, она должна была уступить дорогу опыту, но не терять его из виду: прежде всего философия должна была покинуть поприще опытных проблем, поприще познания

вещей и сделать своей проблемой *возможность самого опыта, возможность познания вещей вообще*. Разрешением этой проблемы она давала начало новому взгляду на мир.

В этом и состоял основной вопрос критической философии И. Канта: как возможен вообще факт опыта и познания вещей? Поскольку опыт не есть и не может быть сам для себя предметом, постольку же невозможно решение этого вопроса при посредстве опыта. Поскольку же необходимо его решение, постольку требуется научное, отличное от опыта исследование, направленное на определение его роли в научном познании. Кант отказался *от догматического подхода* в теории познания, утверждая, что условия познания и опыта не могут быть сами познанием или опытом, а должны предшествовать им, как в природе причины – действиям. Большая разница, по Канту, между тем, что выходит за пределы нашего познания или превышает его (*трансцендентное*), и тем, что ему предшествует и что было обозначено Кантом как *apriori* или *трансцендентальное*. Первое лежит по ту сторону горизонта нашего познания, последнее – по эту. Кантовское исследование направлено на установление условий человеческого познания. В этом состоит философия И. Канта – признать познание не догматически, а расследуя его, отвечая на вопросы, как и почему возможно познание.

Чтобы понять критическую философию Канта, необходимо ответить на вопрос: что значит вообще мыслить критически. Ко всем явлениям можно относиться догматически или критически. Догматический взгляд означает, что мы предполагаем их данными и познаем их свойства; критический – мы исследуем их происхождение и прослеживаем стадии их развития. Происхождение и развитие объектов – суть проблемы критического исследования. Если мы принимаем мироздание за нечто данное и готовое и пытаемся познать законы его существующего устройства, то мы относимся к делу догматически и наоборот критически, если вопрос идет о том, как возникла Вселенная и результатом каких изменений явилось ее теперешнее состояние.

И. Кант относился критически к самому познанию, благодаря чему заложил философское основание века, по справедливости названное критическим.

В этом заключается значение и важность его эпохи. Условия, которые предшествуют всякому опыту и являются производящими его факторами, не могут быть самим познанием, а могут быть только познавательными способностями, голыми способностями, которые Кант обозначил термином «чистый разум», поэтому и работа его называется «Критика чистого разума».

Возможность опыта заключается, по Канту, в его условиях. Без возможности опыта нет также и предметов опыта, нет их совокупности – чувственного мира. Поэтому вопрос о происхождении познания должен в известном смысле совпадать с вопросом о происхождении чувственного мира. Кантовская философия требует рассматривать чувственный мир не как нечто данное, а как нечто созданное при посредстве разума. Ведь очевидно, что в нашем разуме не может возникнуть ни один объект без нашей собственной творческой деятельности. Неведение собственных деяний есть глубокая внутренняя основа всякого догматического отношения, всякого самообмана, ослепления, неразумия также и в выборе наших целей жизни и ее направления. Знание собственных деяний является задачей критического мышления, как и путь самопознания и самосознания, направленный к цели истинной науки и житейской мудрости. Поэтому И. Канта часто сравнивали с Сократом.

Догматическая и критическая философии и связаны, по Канту, как связано *догматическое* и *критическое* мышление. Ребенок познает мир догматически – верит родителям и близ-

ким в познании и освоении нравственных норм, табу, обеспечивающих безопасность его поведения в окружающем мире. Нелепо от него требовать с самого начала мыслить критически. Точно так же необходима догматическая философия в истории развития человеческой истории, невозможна критическая философия в начале философского мирозерцания.

Дальнейшее исследование И. Канта посвящено объекту *критической философии*. Факт познания должен быть дан прежде, чем он будет исследоваться, как он дан. *Критическая философия* относится к догматическому познанию, как физиология к жизни, оптика к зрению, акустика к слуху, грамматика к речи и т. п. Мы должны следовать разуму, чтобы пользоваться им, – говорит И. Кант. Но мы должны пользоваться разумом, чтобы исследовать его, – возражают противники. Выход из этого противоречия в том, как самопознание возможно благодаря самосознанию, так и разум исследует свое познание вещей благодаря познавательным способностям. Иначе говоря, способности, благодаря которым разум исследует свое познание вещей, отнюдь не те же самые, благодаря которым он осуществляет познание их.

Чтобы прояснить сущность критической философии, Кант дает анализ различных направлений в гносеологии: эмпиризма, рационализма, сенсуализма и скептицизма.

Эмпиризм устремляется на путь опыта. Его основным положением является утверждение, что всякое познание состоит в правильных восприятиях и правильно делаемых из них выводах. Эмпиризму противостоит *рационализм*. При посредстве опыта вещи доступны познанию лишь постольку, поскольку они являются нам и воздействуют на наши чувства, – напротив, их собственная, независимая от нашего восприятия природа оставалась бы непознанной. Что такое вещи в действительности или сами по себе, какова их подлинная сущность – это недоступно чувственному опыту, это можно понять только благодаря мышлению.

На вопрос, как возможен сам опыт, отвечает *сенсуализм* Д. Локка. Единственный источник опыта – наше восприятие. Таким образом, по Канту, сенсуализм сужает кругозор нашего познания. По сравнению с Ф. Бэконом: «...теперь уже не все естественные, а только чувственно данные вещи могут считаться очевидными. Теперь непознаваемое считается равным сверхчувственному, недоступному восприятию. Доступны восприятию только явления, только качества и внешние проявления вещей, а не их носители, не сущность вещей; сущность остается столь же скрытой, как существо Бога и души». Тогда возникает вопрос: в чем состоят восприятия или впечатления? Каковы они? Ответ может быть двояким. Впечатления имеют либо исключительно физическую (материализм стоит на этой точке зрения), либо исключительно духовную природу (идеализм). Таким образом, эмпиризм ограничил познание естественными, а сенсуализм – чувственными объектами или впечатлениями, и их причиной, по Беркли, может быть только Бог. Беркли – это логически завершенный Локк с идеалистическим знаком. Из сенсуализма следует, что вещи сами по себе не познаваемы, из идеализма – что они не существуют. Первый доказывает их непознаваемость, второй – их невозможность. Точка зрения идеализма, по Канту, сама еще догматична, так как, исходя из нее, объекты нашего познания все без исключения суть представления или идеи (впечатления), причиной которых является Бог. Факт нашего познания является, таким образом, непостижимым, как воля Божья, стало быть, недоступным человеческим силам; проблема познания неизбежно, по Канту, приводит нас к *скептицизму* Юма.

Юм задается вопросом: существует ли явная и необходимая связь наших впечатлений? Если данные представления так относятся друг к другу, что из их сравнения очевидна их связь, то последняя понятна сама по себе и суждение, связывающее представления этого рода, имеет характер неоспоримой необходимости. Такие суждения возникают при посредстве анализа содержания данных представлений: они поэтому носят аналитический характер. Юм их называет «суждениями разума» (это тип всякого логического или математического познания, который имеет характер демонстративной достоверности). Далее возникает вопрос: существует ли необходимое эмпирическое суждение? Если речь идет о связи А и В – это синтез. Всякое эмпирическое суждение синтетично. Существует ли необходимый синтез? Этот вопрос пытался разрешить Юм.

Если бы связь, соединяющая различные факты, была бы дана так же, как и сами они, то решение вопроса не представляло бы затруднений: тогда эмпирическое суждение было бы тоже аналитично. Но это не так. Упомянутая связь не дана нам, а возникает в нашем сознании по законам психической природы, которые не могут быть логическими законами мышления, ибо мышление только сравнивает и анализирует; законы эти, по Канту, необходимо искать в тех способах, какими мы произвольно связываем или соединяем друг с другом образы впечатлений. Исследование Юма направлено поэтому на законы «ассоциации идей», по которым действует воображение человека. Мы связываем их, по Юму, произвольно в нашем воображении по законам сходства, смежности, причинности и т. п. Законы эти имеют частное значение, причинность же имеет притязание на необходимость. Оправдывается ли это притязание? Этот вопрос составляет ядро исследования Юма и совпадает с вопросом о ценности опыта для познания. Ответ Юма состоит в том, что причинность – это привычка (к порядку следования событий или явлений). Получается, что все эмпирическое познание основывается на вере, возникает при посредстве воображения и привычки и поэтому не может изъяснять притязания на общее и необходимое значение. В этом прозрении заключается скептицизм Юма, посягающий не на сущность нашего опыта, а только на догматический способ его обоснования.

Вывод И. Канта состоит в том, что философия Юма не годится только в одном очень существенном отношении: она не может объяснить необходимость математики и теоретического естествознания и тем более метафизики (философии), так как из привычки теорию объяснить невозможно, выводы в ней получаются такие, с которыми мы на практике не сталкиваемся. Кант, чтобы ответить на вопрос, как возможно всеобщее и необходимое знание (научное в собственном смысле), вводит следующее предположение: наше познание чувственных вещей возможно только при посредстве чистых понятий, которые не являются результатом опыта, а даны нам *a priori* при посредстве чистого разума. «Трансцендентальная аналитика дала нам пример того, – пишет Кант, – как логическая форма нашего знания может быть источником априорных чистых понятий, которые до всякого опыта дают представления о предметах или, вернее, выражают синтетическое единство, обуславливающее возможность эмпирического знания о предметах. Форма суждений (превращенная в понятие о синтезе наглядных представлений) дает нам категории, руководящие всем применением рассудка в опыте. Точно так же форма умозаключений разума, если применять ее к синтетическому единству наглядных представлений подобно категориям, окажется источником происхождения особых априорных понятий, которые мы можем назвать чистыми понятиями разума, или *трансцендентальными идеями*» [1, с. 301].

При этом функция разума в умозаключениях Канта состоит в предании знанию формы всеобщности. Он приводит пример: «...суждение: “Кай смертен” могло бы быть почерпнуто мной из опыта с помощью одного лишь рассудка. Но я ищу понятие, содержащее в себе условие, под которым дается предикат (утверждение вообще) этого суждения (в данном случае понятие человека), и после того, как я подвожу (предмет) под это условие, взятое во всем его объеме (все люди смертны), я определяю сообразно этому знание о моем предмете “Кай смертен”» [1, с.301]. Следовательно, трансцендентальное понятие, по Канту, есть не что иное, как понятие целостности условий для данного обусловленного. Но так как только безусловное создает целостность условий и, наоборот, целостность условий всегда безусловна, то отсюда следует, что чистое понятие разума вообще может быть объяснено через понятие безусловного, поскольку оно содержит в себе основание синтеза обусловленного [1, с. 302]. Из сказанного очевидно, что такая целостность является абсолютной, поэтому трансцендентальное понятие разума относится к абсолютной целостности в синтезе условий и удовлетворяется не иначе, как абсолютно безусловным, т. е. безусловным во всех отношениях. Вот как об этом пишет Кант: «Чистый разум берет на свою долю лишь одну задачу – абсолютной целостности в применении понятий рассудка и стремится довести синтетическое единство, мыслимое в категориях, вплоть до безусловного» [1, с. 304]. Поэтому такое единство можно назвать разумным единством явлений, тогда как единство, выражаемое категориями, можно назвать рассудочным единством. Далее Кант вводит понятия трансцендентальных идей. Это понятия чистого разума, так как в них все опытное знание рассматривается как определенное посредством абсолютной целостности условий. Они не вымышлены, а даны природой самого разума, трансцендентальны и выходят за границы всякого опыта, так как идея, будучи понятием максимума, никогда не может быть дана адекватно в конкретной действительности.

«Можно сказать, например, что абсолютно целое всех явлений есть *только идея*, так как мы никогда не можем составить представление об этом целом» [1, с. 305]. Хотя трансцендентальные понятия разума суть только идеи, и мы не познаем с их помощью никаких явлений и предметов, но все же благодаря им наше познание направляется к дальнейшему исследованию, они делают возможным переход от теоретических к практическим понятиям и таким образом могут дать опору моральным идеям. Из отношения между трансцендентальным и логическим применением нашего знания вытекает, по Канту, три вида диалектических умозаклучений, позволяющих перейти от условного синтеза, которым всегда ограничивается рассудок, к безусловному синтезу разума:

- 1) отношение к субъекту;
- 2) отношение к многообразию объекта в явлении;
- 3) ко всем вещам вообще.

Все чистые понятия вообще имеют дело с синтетическим единством представлений, но понятия чистого разума – трансцендентальные идеи – имеют дело с безусловным синтетическим единством всех условий вообще. Следовательно, все трансцендентальные идеи должны делиться на 3 класса: первый содержит в себе абсолютное (безусловное) единство мыслящего субъекта, второй – абсолютное единство ряда условий явления, третий – абсолютное единство всех предметов мышления вообще.

Мыслящий субъект есть предмет психологии, совокупность всех явлений (мир) есть предмет космологии, а вещь, содержащая в себе высшее условие возможности всего, что

может быть мыслимо (существо всех существ), составляет предмет теологии. Таким образом, чистый разум дает идею для трансцендентального учения о душе, для трансцендентального учения о мире и, наконец, также для трансцендентального богопознания [1, с. 309]. Необходимо также заметить, что между самими трансцендентальными идеями существует известная связь и единство, и что чистый разум посредством их приводит все свои знания в систему. Переход от знания о самом себе (душе) к познанию мира и отсюда к познанию первоначального существа имеет столь же естественный характер, как логический переход разума от посылок к выводам. «Только посредством применения точки зрения о причине и действии, только посредством мысли о правиле, которому сами по себе независимо от сознания единичного субъективного наблюдателя подчинены явления, может идти речь о последовательности в «природе» или в «вещах» в отличие от простой мозаики представлений в нас» [2, с. 169]. Здесь дело обстоит так же, как с другими чистыми априорными представлениями, которые мы лишь потому можем извлечь из опыта как ясные понятия, что сами вложили их в опыт и посредством них осуществляем опыт. При этом постулат действительности у Канта граничит с постулатом необходимости; последняя не означает формальную и логическую необходимость в связи понятий, а утверждает действительность как необходимость, как следствие общего закона. Таким образом, в трансцендентальной эстетике Кант выявляет условие подлинного полагания предмета опыта.

Если мы употребляем свой разум не только для применения основоположений рассудка к предметам опыта, но и пытаемся распространить эти положения за границы опыта, то отсюда возникают теоретические положения, которые не могут быть подтверждены в опыте, но и не могут быть опровергнуты им; при этом каждое такое положение не только свободно от противоречий само по себе, но даже находит в разуме условие своей необходимости точно так же, как и противоположное ему. Это антиномии чистого разума, они включают следующие вопросы:

- 1) при каких утверждениях чистый разум неизбежно впадает в антиномию?
- 2) от каких причин зависит эта антиномия?
- 3) может ли разум, несмотря на это противоречие, найти путь к достоверности и как это сделать?

Кант рассматривает антиномии, касающиеся субстанции души, начала мира, свободы и Бога. Что касается антиномии существования и бессмертия души, то, по Канту, она возникает из гипостазирования общей функции единства сознания в «субстанцию» души. Ибо обычное понятие о душе основано на том, что мы вычленим единство, которое может быть выявлено в ряду самих феноменов сознания, и необходимость которого в этой области может быть доказана из целостности этого ряда, и приписываем его исконно для себя существующему субстрату, только опосредствующим следствием которого должны быть особенные явления сознания. Следовательно, вместо того, чтобы мыслить сами феномены в их связи, мы приписываем к ним надэмпирическое «основание», из которого пытаемся объяснить и вывести их многообразие [2, с. 174]. Положение «душа есть субстанция» можно принять, если только удовлетвориться тем, что это понятие не принуждает нас к выводам о вечной жизни души, а что оно лишь означает только «субстанцию в идее», а не в реальности.

Антиномия о мире. Тезис «мир имеет начало во времени и ограничен в пространстве». В самом деле, аргументирует Кант, если мы допустим, что мир не имеет начала во времени, то до всякого данного момента времени протекла вечность и, следовательно, протек беско-

нечный ряд следующих друг за другом состояний вещей в мире. Но бесконечность ряда именно в том и состоит, что он никогда не может быть закончен путем последовательного синтеза. Следовательно, бесконечный протекший ряд в мире невозможен; значит начало мира – это необходимое условие его существования, что и требовалось доказать.

Антитезис «мир не имеет начала во времени и границ в пространстве: он бесконечен как во времени, так и в пространстве». В самом деле, допустим, что мир имеет начало во времени. Так как начало есть существование, которому предшествует время, когда вещи не было, то некогда должно было существовать время, в котором мира не было, т. е. пустое время. Но в пустом времени невозможно возникновение какой бы то ни было вещи, так как ни одна часть такого времени в сравнении с другой частью не заключает в себе отличного условия существования предпочтительно перед условием несуществования (все равно, возникает ли оно само по себе или посредством другой причины). Поэтому, хотя многие ряды вещей и могут иметь начало в мире, но сам мир не может иметь начала и, следовательно, в отношении протекшего времени бесконечен.

Что касается второй части антитезиса, допустим противоположное, именно что мир конечен и ограничен в пространстве; в таком случае он находится в пустом пространстве, которое не ограничено. Следовательно, должно существовать не только отношение вещей в пространстве, но и отношение их к пространству. Но так как мир есть абсолютное целое, вне которого нет никакого предмета наглядного представления и, следовательно, никакого коррелята, с которым он соотносился бы, то отношение мира к пустому пространству было бы отношением его к ничто. Но такое отношение, а следовательно, и ограничение мира пустым пространством есть ничто, следовательно, мир вовсе не ограничен в пространстве, т. е. он бесконечен. При этом Кант делает ремарку о том, что речь идет о чувственном, а не умопостигаемом мире, последнее есть не более как общее понятие мира вообще, в котором мы отвлекаемся от всех условий наглядного представления его и в отношении которого невозможно никакое синтетическое суждение – ни отрицательное, ни утвердительное [2, с. 180–181].

Остановимся подробнее на **антиномии о Боге**. Тезис «к миру принадлежит или как часть его, или как его причина, безусловно, необходимое существо». Доказательство: чувственный мир как совокупность всех явлений содержит в себе также ряд изменений. Без изменений не было бы даже представления ряда времени как условия возможности чувственного мира. Но всякое изменение подчинено своему условию, которое предшествует ему во времени и делает его необходимым. Далее, всякое данное обусловленное предполагает в отношении к своему существованию полный ряд условий вплоть до абсолютно безусловного, которое одно только существует абсолютно необходимо. Следовательно, абсолютно необходимое должно существовать, если существует изменение как его следствие. И это необходимое принадлежит само к чувственному миру. В самом деле, если предположить, что оно находится вне чувственного мира, то это значило бы, что ряд изменений в мире получает от него начало, между тем как сама эта необходимая причина не принадлежит чувственному миру. Но это невозможно. Следовательно, первопричина изменений относится ко времени, т. е. к области явлений (в которых только и возможно время как форма их). Следовательно, она не может быть мыслима отдельно от чувственного мира. Следовательно, *в самом мире содержится нечто безусловно необходимое.*

Антитезис «нет никакого абсолютно необходимого существа – ни в мире, ни вне мира как его причины». Доказательство: предположим, что мир сам или часть его есть необходимое

существо; в таком случае ряд его изменений или имел бы безусловно необходимое, т. е. не имеющее причины начало, что противоречит динамическому закону определения всех явлений во времени, или же этот ряд не имел бы никакого начала и был бы в целом абсолютно необходимым и безусловным, хотя все его части случайны и обусловлены, что противоречиво, так как существование группы не может быть необходимым, если ни одна часть ее не обладает сама по себе необходимым существованием.

Предположим наоборот, что безусловно необходимая мировая причина существует вне мира; в таком случае она как высший член в ряду причин мировых изменений должна была бы также начать действовать, и ее причинность находилась бы во времени, а следовательно, в совокупности явлений, т. е. в мире; следовательно, сама эта причина находилась бы не вне мира, что противоречит предположению. Итак, ни в мире, ни вне мира нет безусловно необходимого существа. Примечание Канта: первый аргумент (тезис) имеет в виду только абсолютную целостность ряда условий, определяющих друг друга во времени, и таким образом приходит к безусловному и необходимому. Наоборот, второй антитезис принимает в расчет случайность всего того, что определено во временном ряду, так как каждому событию предшествует время, в котором само условие должно быть в свою очередь определено как обусловленное, вследствие чего все безусловное и всякая абсолютная необходимость совершенно отпадает [1, с. 366–371].

Критика разума позволяет, по Канту, решить вопрос о свободе воле. Если мы рассматриваем волю как явление (предмет опыта), то она подчинена закону причинности, т. е. необходима. Если же речь идет о воле как вещи в себе, то она свободна.

Продолжая разграничивать догматический и критический подход, Кант показывает, что для выбора позиции в оценке антиномий критически мыслящему субъекту необходимо сравнить принципы, из которых исходят обе стороны. В утверждении антитезиса заметно стремление к эмпиризму; напротив, при выборе тезиса в основе кроме эмпирического способа объяснения присутствует стремление использовать умопостигаемые начала чистого разума. При этом на стороне догматизма или на стороне тезиса обнаруживается:

- во-первых, известный *практический интерес*, в котором всякий человек, если он понимает свою истинную выгоду, принимает сердечное участие и разделяет позицию, что мир имеет начало, что мое Я обладает свободой, что порядок вещей в мире происходит от одного первоначального существа (Бога), от которого все приобретает единство и целесообразность – эти краеугольные камни морали и религии. Антитеза же лишает нас всех этих опор;

- во-вторых, на этой стороне обнаруживается *теоретический интерес* разума. В самом деле, допуская трансцендентальные идеи такого рода и пользуясь ими, можно волне *apriori* охватить всю цепь условий и понять происхождение обусловленного, начиная с безусловного; антитезис же не может дать ответа на вопрос об условиях своего синтеза, так как от данного начала всегда надо восходить к еще более высокому началу, всякая часть ведет к еще меньшей части, всякое событие имеет позади себя еще другое событие как причину, и условия бытия вообще всегда в свою очередь опираются на иные условия, не получив безусловной поддержки и опоры ни в какой самостоятельной вещи;

- в-третьих, эта сторона достаточно популярна. Обычный рассудок не находит затруднения в идеях безусловного начала всякого синтеза, так как он более склонен нисходить к следствиям, чем восходить к основаниям и в понятии *абсолютного начала* находит успокоение и точку опоры.

На стороне антитезиса обнаруживается отсутствие практического интереса, который приносится моралью и религией. Если нет первоначального существа, отличного от мира, если мир не имеет начала и, следовательно, также Творца, если наша воля не свободна и душа так же делима и разрушима, как материя, то моральные идеи и принципы теряют всякое значение и падают вместе с *трансцендентальными*, служащими для них теоретической опорой.

Наоборот, теоретическому разуму позволительно изображать предмет как сам по себе, так и в его наглядном представлении или в понятиях. Для него нет необходимости покидать цепь порядка природы и переходить в область трансцендентальных понятий, где он уже более не обязан наблюдать и исследовать законы природы, а должен мыслить в надежде подчинить опыт авторитету чистого разума. Человеческий разум по природе своей архитектурен, т. е. он рассматривает все знания как принадлежащие определенной системе и потому допускает только такие принципы, которые не мешают существующим знаниям объединяться в систему с другими знаниями. Но положения антитезиса таковы, что делают совершенно невозможным завершение здания знаний. Так как антитезис нигде не допускает никакого начала, которое могло бы служить безусловным основаниям построения, то законченное здание знаний при таких предположениях совершенно невозможно.

Наиболее полно свои возможности чистый разум реализует в трансцендентальной философии по Канту. Последняя обладает среди всех теоретических знаний той особенностью, что ни один вопрос, относящийся к предметам, данным чистому разуму, не может быть неразрешимым. В трансцендентальной философии космологические идеи обладают той особенностью, что могут предполагать данным свой предмет и необходимый для его понятия эмпирический синтез; вопрос касается только прогресса этого синтеза, поскольку он должен содержать в себе абсолютную целостность, которая уже не относится к сфере эмпирического, так как не может быть дана ни в каком опыте. Поскольку здесь речь идет о вещи только как о предмете возможного опыта, а не как о вещи в себе, то ответ на трансцендентальный космологический вопрос нигде не может находиться, кроме самой идеи. Вопрос ставится о том, что содержится в идее, к которой эмпирический синтез должен только приближаться; следовательно, этот вопрос должен быть разрешен исключительно из самой идеи.

От обязанности критического разрешения постоянных вопросов разума, по Канту, нельзя уклониться, ссылаясь на узкие границы его и заявляя, что наш разум не способен решить вопросы – вечен ли мир или он имеет начало; существует ли свобода или все необходимо; существуют ли Бог и душа. Эти вопросы касаются предмета, который не может быть дан нигде, кроме как в наших мыслях, именно они касаются вопроса об абсолютно безусловной целостности синтеза явлений.

Причина неясности ответа на подобные вопросы, по Канту, может заключаться в неясности самой идеи. Задача трансцендентальной философии – объяснить идею абсолютного целого. И здесь важно не превратить идею в мнимое представление об эмпирически данном. Догматическое решение здесь невозможно. Критическое решение рассматривает вопрос со стороны познавательного фундамента исследования, и оно состоит в том, что космологические идеи и вместе с ними все борющиеся друг с другом положения имеют в основании неистинное (необоснованное) понятие о способе, как нам дается предмет этих идей. В трансцендентальной эстетике уже было доказано, что все предметы возможного

для нас опыта суть не что иное, как явления, т. е. только представления, которые не имеют существования сами по себе вне нашей мысли (трансцендентальный идеализм Канта). «Предметы опыта никогда не даны сами по себе, они даны только в опыте и помимо его вовсе не существуют» [1, с. 385–389]. Утверждать, что явление существует само по себе, без отношения к нашим чувствам и возможному опыту, можно было бы только в том случае, если бы речь шла о вещи в себе [1, с. 407]. Умопостигаемую причину явлений Кант называет трансцендентальным объектом. Весь объем и связь наших возможных восприятий мы можем приписать этому трансцендентальному объекту и утверждать, что он дан до всякого опыта сам по себе. Так чистые категории, без формальных условий чувственности, имеют только трансцендентальное значение, но не могут быть применены трансцендентально (т. е. вне возможности опыта). Существует ли вне сферы эмпирического существования, которое выступает как единственно определяемое, другая область не столько объектов, сколько ценностей объективной значимости, и не обретает ли благодаря этому само наше трансцендентальное понятие объективности обогащение и углубление самого содержания – вопрос, окончательный ответ на который может дать только рассмотрение критической этики и эстетики. Только в них будет открыт позитивный смысл ноумена, основополагающая данность, на которой покоится отделение явления от вещи самой по себе [2, с. 195–196].

Говоря о значении критической философии И. Канта, необходимо выделить основные моменты.

Кант выяснил, что наше знание чувственных вещей возможно только при посредстве чистых понятий, которые не являются результатом опыта, а даны *a priori* при посредстве чистого разума.

Согласно выводу кантовской критики, все познаваемые предметы суть не более как явления, а явления не более как наши представления.

Кантовская критика чистого разума преодолела недостатки эмпиризма, рационализма, сенсуализма и скептицизма, опровергая их односторонние выводы.

Вопрос о бытии Бога решен И. Кантом: не существует основания для познания Его бытия, тем более, несомненно, основания для веры в Него. Вера коренится в моральной потребности или в практическом разуме, и поэтому не является ни высокомерным знанием, ни слепой верой. Христианская религия идет от религии к морали, кантовская – от морали к религии.

Практические выводы обусловлены прозрением невозможности теоретического познания сверхчувственных объектов, а само это прозрение обусловлено исследованием нашей познавательной возможности, стало быть, критикой разума.

Неправильное понимание элементов познания необходимо должно повлечь за собою неправильное понимание многих идей теории познания. В этом и лежит причина неверного понимания кантовской критики.

Элемент всякого познания есть представление. С ним-то и связано неправильное понимание. Известные признаки, могущие относиться только к представлению, принимают за признаки вещей – такое смешение порождает ложный взгляд и является зерном всех спорных вопросов между Кантом и его противниками.

Кантовская критика разума открыла познавательные способности и доказала, что они являются условиями возможности опыта. Наши представления не суть голые впечатления, как полагает скептицизм, а также не голые продукты опыта, как считает эмпиризм; в то же

время наши общие необходимые представления не являются прирожденными идеями, чему учил рационализм. Но то, что критика разума выводит из возможности опыта, есть, прежде всего, только новая теория познания, стало быть, только часть философии, а не вся она. И условия, на основании которых она устанавливает познавательные способности, имеют лишь характер основания познания, а не реальные основания. Критика разума – это пропедевтика метафизики (пролегомены ко всякой метафизике, как говорил сам Кант).

Чистая философия должна исходить из принципа, на котором зиждется непосредственно элементарная философия, а через нее и все философские науки. Этот принцип не должен зависеть ни от какого другого: он должен быть первым; он должен обосновывать всю философскую систему, а не только часть ее, поэтому не должно быть нескольких принципов – он должен быть единственным. Он должен быть достоверен и сразу ясен сам по себе, он не может выражать ничего иного кроме несомненного, первоначального, очевидного каждому при посредстве голый рефлексии факта. Этот факт не должен быть почерпнут из опыта ни внешнего, ни внутреннего, ибо всякий опыт индивидуален, но он может иметь место в нас. Он становится очевидным, как только мы обращаем на него внимание или сознаем его, он требует для своего утверждения одного только сознания и совпадает с ним: он есть сознание. Факт сознания составляет единственно возможное содержание этого первого и единственного принципа, который можно назвать законом сознания. Этот закон служит фундаментом для критической философии. Он гласит: представление различается в сознании от представляемого и относится к обоим.

Насколько достоверно представление, настолько же достоверны все условия, без которых оно не может существовать. Центр изложения Канта находился в опыте; его руководящая мысль была: насколько достоверен опыт, настолько же достоверны условия, требуемые им.

Исходные точки теоретической и практической философии у Канта различны и должны были различаться коренным образом. Теоретическая философия исходит из возможности опыта, практическая – из нравственного закона; первая основывается на эмпирическом сознании, вторая – на нравственном, но у них есть нечто общее: сознание.

Кант различал в человеческом разуме три основные способности: чувственность, рассудок и разум или способность к созерцанию, к понятиям и идеям. Предмет, который существует независимо от представления есть вещь в себе. Она потому и непознаваема, что не доступна представлению. Однако остается вопрос: как вообще попадает в кругозор философии эта недоступная представлению вещь? Ответ в том, что она рассматривается как понятие.

Формы восприятия даны *apriori*; материал дан *aposteriori*. Основная проблема критической философии распадается на три вопроса:

- 1) что такое познание?
- 2) есть ли познание факт?
- 3) как оно возможно?

Всякое познание есть суждение или такое соединение двух представлений, в котором одно из них высказывается о другом утвердительно или отрицательно. Но не всякое суждение есть уже познание. Все суждения делятся на *аналитические* и *синтетические*: аналитические суждения не расширяют моих представлений, они их только уясняют; наоборот, суждения синтетические расширяют мои представления, суть всякого познания именно в этом, т. е. всякое познание состоит из синтетических суждений. Но не всякое синтетическое

суждение уже есть познание, а только априорное синтетическое суждение, которое имеет всеобщий и необходимый характер. Это ответ на первый вопрос. Как возможны синтетические априорные суждения? Ответ составляет критика чистого разума. Познавательное суждение определяется двумя признаками: оно синтетично и априорно. Посредством первого признака оно отличается от аналитических суждений чистого рассудка, посредством второго – от всех эмпирических суждений. Чистым познанием мы называем такое воззрение, которое устанавливается *argiori*, т. е. независимо от всякого опыта, вытекает из чистого разума (например, закон тождества и противоречия).

Вся задача критики чистого разума состоит в попытке изменить прежний метод метафизики. И хотя критика – это трактат о методе, а не система самой науки, но, тем не менее, она включает в себе полный очерк системы метафизики как в отношении ее границ, так и в отношении всего внутреннего расчленения ее. В самом деле, чистый теоретический разум обладает своеобразной особенностью, состоящей в том, что он может измерить свои способности сообразно различным способам, какими он избирает себе объекты для мышления, может даже сполна перечислить все способы постановки проблем и потому может и должен дать полный набросок системы метафизики; действительно априорное знание не может приписывать объекту ничего кроме того, что мыслящий субъект берет сам из себя, а разум, поскольку он содержит в себе принципы познания, представляет собой вполне самостоятельное единство, в котором, как в организме, каждый член существует для всех остальных и все для каждого, так что ни один принцип не может быть принят с уверенностью в одном отношении, не будучи в то же время подвергнут исследованию во всех отношениях его ко всему применению чистого разума. Благодаря этому, по Канту, метафизика имеет особое преимущество по сравнению с другими науками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1999. 654 с.
2. Кассирер Э. Жизнь и учение Канта. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 446 с.

A. M. Sklyarova

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»

CRITICAL PHILOSOPHY OF I. KANT

This article reviews and analyzes the critical approach to the study and understanding of the transcendental method as a requirement and problem of scientific philosophy; notional deduction and conceptual taxonomy, implemented by Kant in the Critique of Pure Reason are traced.

Dogmatic and critical philosophy, empiricism, sensationalism, skepticism, rationalism, transcendent and transcendental, sensual contemplation, mind, reason, a priori and a posteriori analytic and synthetic judgments, method of critical reason, antinomy of pure reason – the beginning of the world, soul, freedom and God
